

Е. В. Щербаков¹

ГОРОД И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

1. Предвзятости европейской философии в воззрениях на мировую историю

Если попытаться осмыслить вопрос исторической трансформации городов с философских позиций, то сразу сталкиваешься с необходимостью осмысления сущности, логики и направленности человеческой истории как таковой. Чтобы понять, например, особенности трансформации города в посткоммунистических государствах, следует понять содержание посткоммунизма, ответить на вопрос о его объективности или случайности в историческом процессе, для чего, в свою очередь, следует понять дух и векторы общемировой истории. Грандиозность и сложность этой задачи не надо объяснять и обосновывать.

Сложность исследования проблемы эволюции города на российском посткоммунистическом пространстве возрастает в силу неадекватности самой исторической реальности и языка ее осмысления и презентации. Поэтому методология исследования должна в обязательном порядке включать в себя «исправление имен».

Язык классической западноевропейской философии – и в марксистской, и в буржуазно-либеральной ее составляющих – выражает монистическое прогрессистское понимание истории. История с этой точки зрения рассматривается как единый для всего социального мира процесс, развивающийся прогрессивно по единым же для всех стран и народов законам. Безоговорочно считается, что наиболее правильно эти закономерности были поняты и реализованы именно в истории Западной Европы. Мерилом прогрессивности любого народа является уровень и качество потребления и степень лояльности к ценностям западной культуры и политики. И марксизм, и либерализм в плане науки осмысливают, в плане культуры формируют соответствующий социальный антропологический тип, а в плане политики прокладывают пути к достижению этого идеала – созиданию земного потребительского рая.² Страны, народы и культуры в соответствии с этим критерием разделяются на передовые и отсталые. Сегодня в ходу также такие определения как «страны-изгой» или «страны оси зла». Современная демократия, объявляющая своей целью прогресс как таковой, не исключает применения к таким государствам и их народам санкций – в том числе и военных.

¹ **Щербаков Евгений Валерианович**, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и культурологии Иркутского государственного университета.

² Вовсе не случайно в принятой в 1961 г. XXII съездом КПСС программе построения коммунизма в СССР коммунизм понимается, прежде всего, как изобилие благ для всех и для каждого.

Но действительно ли исторический процесс таков, как он представляется западноевропейской классической философской мысли, безоговорочно принятой советским обществознанием в форме марксизма, а в нынешней России – в форме либерализма? И корректно ли наполнять понятие «посткоммунизм» одинаковым содержанием и руководствоваться им при описании процессов трансформации городов России, Узбекистана, Польши или Монголии? Не упускаем ли мы – хотя и в полном соответствии с требованиями марксистской методологии – из виду национальные и культурно-исторические особенности народов, стран и цивилизаций? Не уходим ли мы с научных позиций на идеологические? Не стремимся ли описать интересующие нас процессы по навязанной, ставшей привычной и в силу этого удобной схеме?

Другой интересный вопрос – а на чем, собственно, базируется монистическое понимание истории? К сожалению, в данной работе нет возможности для развернутого ответа на этот вопрос. Лишь одно замечание – данная схема является, пожалуй, наиболее эффективной для идеологического оправдания агрессивных властных амбиций буржуазной Европы Нового и Новейшего времени. Эта философия, как и полагал Маркс¹, не только объясняет (уместно сказать, «не столько» объясняет), но изменяет мир. Пронизанная духом евроцентризма, она в XX веке превратилась в мощное организационное оружие, силу которого в полной мере испытала на себе Россия. Такая схема оправдывала и продолжает оправдывать политику колониализма или, точнее, неоколониализма, которая сегодня воплощена в теории и практике глобализма.

Непредвзятый взгляд на историю, насколько он вообще возможен, свидетельствует, что в России она была иной, нежели в Западной Европе. В русской истории не было, да, пожалуй, и быть не могло таких исторических явлений и эпох как, например, Ренессанс, Реформация или Просвещение. К русской истории нельзя применить, не насилуя логику и здравый смысл, такие понятия как Средние века или Новое время. У России была другая, своя история. Она не лучше и не хуже, не правильнее и не ошибочнее, чем западноевропейская, – она просто другая.² И она предполагает другой язык, потому что язык марксизма и либерализма разрабатывался и использовался для описания другой исторической реальности.³ Как, например, на языке марксизма выразить и описать такие базовые явления русской истории и культуры как соборность

¹ Знаменитый 11 тезис о Фейербахе гласит: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [1, с.4].

² Думается, что образцом высокой культуры исторического мышления может служить мышление А.С. Пушкина: «...клянусь честью,- пишет А.С. Пушкин П.Я. Чаадаеву в ответ на его критику «исторической ничтожности» России, - что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал...» [2, с. 307-310].

³ О.Шпенглер писал о Марксе: «Он (Маркс) знал сущность труда только в английском понимании.... Его мышление совершенно манчестерское...». [3, с. 78].

или общинность? Или «симфония властей»? С другой стороны, в русском языке нет таких понятий как «класс», «буржуазия», «формация», «революция».¹

Понятие «посткоммунизм» на первый взгляд вполне абстрактное, обладающее высокой степенью всеобщности и, в силу этого, применимое в целях философских обобщений, в реальной действительности совершенно конкретно. Это понятие не может рассматриваться в качестве категории философии истории, ибо не отражает общего и, зачастую, даже подобного в социально-экономических состояниях и процессах, происходящих в странах, в прошлом ориентированных на социализм. Одно дело посткоммунизм в Румынии, другое – в Белоруссии. Одно дело посткоммунистическая Россия, другое – Украина. Перефразируя утверждение Л.Н. Толстого о том, что «все несчастливые семьи несчастливы по-своему», мы можем сказать, что каждая страна этот исторический катаклизм переживает по-своему. Пожалуй, общим для этих бывших стран социалистической системы являются лишь временные характеристики: революции наоборот – обратный переход от социализма к капитализму – произошли в этих странах практически одновременно – на рубеже 80-90 –х годов XX века.

Итак, какое содержание наполняет понятие «посткоммунизм»? И какие возможности открываются для исследователя-урбаниста, опирающегося на это понятие? Как же трансформируется город в посткоммунистической истории? И приходится с удивлением констатировать, что изучать город с позиций марксистско-либералистского дискурса – занятие совершенно бесперспективное. История – как она сама свидетельствует о себе – развивается вовсе не в соответствии с придуманной Марксом схемой формационного восшествия человечества от рабовладения к коммунизму. Любой город любой социально-политической системы в любую историческую эпоху решает, в сущности, одни и те же проблемы. Решение проблем города – это, прежде всего, технологии и искусство управления и деньги, и только далеко потом политика, и уж совсем едва различима в спектре проблем и задач города идеология.

Справедливости ради отмечу здесь, что отвергая марксистский коммунизм как утопичную несостоятельную доктрину, совершенно непригодную для применения в социальной и экономической географии, нельзя не сожалеть по поводу разрушения (саморазрушения!? – Е.Ш.) этого великого социального проекта человечества. С крушением реального социализма человечество как-то вмиг утратило историческую перспективу и безнадежно постарело.

2. Цивилизационный подход к истории

В вопросе о сути, смысле и назначении истории более глубоким и более, если можно так выразиться, объективно-научным выглядит подход циви-

¹ Показательно в этой связи русское понятие «крестьянин». Никакой связи с профессией, классовой принадлежностью, социальным положением, материальным обеспечением и уровнем потребления мы в этимологии этого слова найти не можем. Оно наполнено религиозно-духовным содержанием: все мы – были уверены наши предки - крестьяне (христиане).

лизационный. С позиций цивилизационного понимания истории, у истоков которого стоял русский мыслитель Н.Я. Данилевский, а продолжили широко известные в мире О. Шпенглер и А. Тойнби, никакой единой для всех стран и народов истории и истории культуры не было, и нет.

Собственно, многозначное понятие цивилизация в нашем случае используется для фиксации двух важнейших факторов: 1) развитость до уровня самостоятельности основных сфер общественного бытия народа или группы родственных народов; 2) оригинальность, своеобразие культурно-исторического лика этого народа или группы родственных народов. Понятие «цивилизация» в нашем случае призвано заострить внимание на том факте, что каждый народ или группа родственных народов проживают свою собственную историю на базе своей собственной культуры. Например, неотъемлемое своеобразие русской цивилизации состоит, прежде всего, в ее православии и взросших на тех же культурных корнях соборности и державности. Русская цивилизация выстраивалась на базе крестьянского коммунизма, понимаемого как равенство перед Богом!, социальная справедливость и ответственность всех за каждого и каждого за всех.

Цивилизационная методология философии истории позволяет нам сделать неожиданный, но вполне корректный логический ход и вывод: а почему бы не трактовать крах коммунизма как шанс на историческое возвращение народа, объединенного культурой и защищаемого государством к своей цивилизационной подлинности?! На самом деле, посткоммунизм «отменяет» «железные законы истории», на абсолютности и объективности которых настаивает марксистский формационный подход. Но если эта историческая обусловленность и предопределенность не работает, тогда история может трактоваться как реализация народом своей цивилизационной сущности. И тогда культурно-цивилизационная зрелость и мудрость народа, с одной стороны, и его историческая задача, с другой, заключаются в том, чтобы узреть это свое великое предназначение и целенаправленно реализовывать его в своем историческом бытии.

Каковы же механизмы и движущие силы истории с позиций цивилизационной парадигмы? Формационный подход в качестве стержня и движителя истории видит классы и классовую борьбу, даже формы которой одинаковы для всех стран и народов. С позиций цивилизационного подхода история разворачивается в контексте взаимодействий городской и крестьянской цивилизаций. При этом и городская, и крестьянская цивилизации у разных народов свои, вырастающие на почве своей религиозно-культурной традиции и своей географии, включая сюда и климатические условия. И такой подход в полной мере философски утверждает единство мира в диалектике единичного и общего.

По логике цивилизационного подхода история, как реальная практика, направляется не к коммунизму, хотя это и не исключается, а от социально-

культурной системы единства села и города к подавлению села городом в самом широком смысле слова. Это означает, другими словами, историческое движение к господству в культуре искусственного над естественным, механического над природным, технического над творческим, машины над человеком, расчета над любовью, денег над жизнью.

В отличие от марксистско-либералистской доктрины исторического прогресса цивилизационная парадигма оценивает будущее человечества пессимистично. По мысли и Данилевского, и Шпенглера любая цивилизация конечна. В самом феномене города Шпенглер видел убедительный и важный симптом смерти цивилизации. Такое видение истории гораздо ближе к ее христианскому осмыслению, нежели монистическое и прогрессистское, хотя и оно не поднимается до уровня религиозных обобщений. Удивительно, но Шпенглер – безусловно, человек и мыслитель мирового масштаба – прошел мимо христианской основы европейской культуры, абсолютно не замечая ее и ничуть об этом не жалея.

3. Город как цивилизационный ответ на религиозно-культурные запросы человека

Для социальной и экономической географии город есть, прежде всего, некая пространственно-организационная форма хозяйственно-экономического, социально-политического и культурного бытия человека, проще говоря – более или менее определенный тип поселения.

Почему возникает город? С одной стороны, город есть естественный результат разделения труда – в том числе физического и умственного, а также необходимости организации регулярного обмена и торговли, и поддержания социально-политической стабильности и военной безопасности. В деревне производят, в городе торгуют и обменивают.

Для философии есть еще одна сторона вопроса: город возникает как противоречивый ответ на религиозные и культурные потребности и запросы человека. Заострим здесь внимание на определении «противоречивый». Сущность города с философских позиций – противоречие как отражение экзистенциальной противоречивости человеческого бытия. Понять город любой эпохи, любой социально-политической системы без учета этого фактора невозможно.

Город есть следствие и отражение экзистенциальной и культурно-исторической трагедии человека. Трагичность человеческого бытия, прежде всего, в том, что человек есть единственное существо, которое знает о своей неминуемой смерти. Человек знает, что умрет, но ничего не может с этим поделать. При этом человек остается со смертью один на один. Страх смерти вкупе с безграничным одиночеством и окрашивают культурно-историческое бытие человека в цвета трагедии.

Город предстает перед взором философии как та форма общественного бытия, в которой человек напряженно ищет спасение от смерти или даже

победу над ней.¹ Величайшей религиозной истиной и общекультурным символом для огромного количества людей такой победой является Христос, восставший «из мертвых, смертью смертью поправ». Именно в городе создаются условия для наполненной религиозно-церковной жизни, направленной на спасение, жизни по заповеди «не хлебом единым жив человек...». Человек жертвует материальным производством и – что принципиально важно – его плодами ради свободы. Обретенную свободу он с радостью и любовью отдает Богу. Свобода есть необходимая предпосылка следования по путям спасения. В силу свободы от необходимости участия в материальном производстве, а с другой стороны, – от страсти обладать земными богатствами определенная часть населения города получает гораздо более широкие возможности целенаправленно заниматься религией и культурой.²

Но город, как было отмечено, дает противоречивый ответ на этот экзистенциальный запрос. Образно говоря, созидавая храм и способствуя спасению души, город вместе с тем подталкивает человека к преисподней. Дьявол, безусловно, поселился в городе с момента его возникновения. Город обольщает человеческую гордыню, подсовывая фикцию самодостаточности и могущества. Суевой, шумом и калейдоскопичностью событий город иллюзорно компенсирует неустойчивость и поверхностность веры человека и его неспособность охватить – умом ли, взглядом ли – мир в его единстве и целостности. Город спекулирует на телесных потребностях и переориентирует духовные поиски человека на поиски чувственных наслаждений. Город есть плодovitая почва для соблазнов и грехов, остановить человека предаваться которым культура, кажется, бессильна. Более того, по мере хода истории эта сторона сущности и бытия города только укрепляется.

Ф. Ницше клеймит город устами Заратустры: «В городах трудно жить: там слишком много похотливых людей» [4, с.39]. Добавим от себя, – наивным счастливымчиком был этот ниспровергатель всех ценностей и вдохновенный певец нигилизма – он не видел гей-парадов Лондона, Парижа, Берлина и не подозревал о церковном венчании гомосексуальных пар.

4. Учение о человеке как методологический принцип изучения города

Вообще говоря, основной теоретико-методологический вопрос, который может и должен быть сформулирован в контексте исследуемых нами проблем, есть вопрос о человеке. И в начале начал, и в конечном итоге именно человек должен являться нам и как предмет, и как объект, а с другой стороны, и

¹ В этом напряженном поиске, кстати, заключается один из наиболее питательных источников науки. Все отцы-основатели науки, включая Галилея и Ньютона, искали в алхимии и астрологии чудодейственные средства против болезней, старости, глупости, бедности и – главное – смерти.

² Самые яркие исторические свидетельства этого мы видим у древних евреев, полностью освободивших левитов от всякой собственности и всякого производства ради религиозного служения, и свободных граждан античных Афин, создавших величайшую философию и прекрасные произведения искусства.

как основание, и как инструмент исследования процессов любых социально-экономических трансформаций. И города, и регионы создаются и разрушаются человеком. Именно человек задумывает и осуществляет любую трансформацию, будь то сфера мировоззрения, экономики, науки, образования или градостроительства. В самом общем виде можно утверждать, что город трансформируется вслед за человеком. Город отражает мечты, надежды, чаяния человека, город как книга может рассказать о взлетах и падениях человеческого духа, о прозрениях и заблуждениях его ума.

Принцип Протагора «человек есть мера всех вещей» в случае нашей проблемы оказывается удивительно точным и вместе с тем функциональным теоретико-методологическим постулатом. Каков человек – такова и трансформация города и региона.¹

Город есть, с одной стороны, результат конкретной исторической активности человека, и с этой стороны выступает как объект социологии, или, как в нашем случае – социальной и экономической географии, с другой, – город есть своеобразная форма господствующей антропологической модели. Поэтому чтобы понять город, надо понять человека, изучая человека, мы изучаем город.

Как было отмечено, уже и в те далекие времена город нес в себе бактерии упадка, болезни и смерти культуры, а вместе с ней и самого человека. Понять и объяснить этот феномен можно лишь с позиций христианской антропологии.

Христианская антропология исходит из того фундаментального онтологического факта, что реальный земной человек есть падший человек. Именно грехопадение обуславливает реальное поведение человека, включая сюда его страх перед смертью и тоску неизбежного одиночества. Его творческий потенциал направлен на удовлетворение страстей, которые его же разрушают и уничтожают. При этом христианство любит человека, верит в его силы и не лишает его надежды. Более того, из всех – по крайней мере, в европейской культуре – учений одно лишь христианство освобождает человека от страха смерти.

Будучи результатом действий человека падшего, город – когда бы и где бы он ни существовал – изначально несет в себе эту печать, а точнее клеймо. Город соблазняет и провоцирует людей на самые безумные предприятия с самыми тяжелыми последствиями. Тревожным предостережением звучит библейский рассказ о вавилонском разъединении людей. А описанную в Библии

---

¹ Оговорюсь, что человек является мерой всех вещей в мире материально-природном, чувственном. Мир как таковой подчинен воле Божьей. Принцип Протагора с христианских позиций вполне возможно трактовать как принцип соработничества человека с Богом. С учетом данной оговорки, он вполне может быть использован как теоретико-методологический принцип конкретного научного подхода к исследованию материальных объектов, коими, безусловно, являются и города.

же историю о судьбе древних городов Содома и Гоморры можно рассматривать как символ неизбежного апокалипсиса.

Можно с уверенностью предположить, что разрыв человека с природой, его уход с земли и переселение в город сказывается на нем самым губительным образом. Не случайно Творец поселил первого, еще не ведающего греха человека в саду, не случайно домом ему по замыслу Божьему была живая природа.

Только на земле человек остается целостным. Крестьянский труд есть труд религиозный и творческий, ибо крестьянин – в первую очередь – соратник Бога. Крестьянин, подобно самой природе, соучаствует на всех этапах в чуде превращения семени в плод, зерна в хлеб. Жизнь и труд крестьянина на земле неразрывно соединяют его с миром, с космосом, с Богом, способствуют пониманию истинной иерархии ценностей в мире.

В городе человек становится частичным. Он теряет чувство единства с миром, индивидуализируется, чувствует себя отдельным, а зачастую абсолютно никому не нужным. Мир десакрализируется и становится для него объектом научного исследования и эксплуатации. Вот эта мнящаяся человеку независимость и вполне реальная отделенность от земли, а стало быть, и отдельность, заброшенность, потеря веры, и является источником его отпадения от Бога, потери любви и неизбежности Страшного суда.

Не только религиозное, но и светское сознание усматривает в самом факте возникновения крупных городов, подобных древнему Риму, дьявольский соблазн и смертельную угрозу культуре. Так О. Шпенглер видит в крупных городах прямое свидетельство угасания культуры и близкого конца истории: «Вместо мира, говорит он по этому поводу, – *город*, одна *точка*, в которой сосредоточивается вся жизнь обширных стран, в то время как все остальное увядает; вместо богатого формами, сросшегося с землей народа – новый кочевник, паразит, житель большого города, человек, абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, ... бесплодный, исполненный глубокого отвращения крестьянству....» [5, с.70-71]. То есть, О. Шпенглер прямо увязывает формирование крупных городов со смертью культуры.

5. Историческая трансформация города с позиций цивилизационного подхода

а) город и единый аграрно-индустриальный тип хозяйства

В начале начал¹ город и деревня «не противоречили друг другу» [7, с.9], и были друг другу равно необходимы. Люди вели образ жизни, который определялся смешанным, а точнее, единым аграрно-индустриальным типом хозяйствования при развитой торговле. И этот образ жизни их вполне устраивал. Делая необходимую поправку на историческую хронологию, можно предпо-

¹ Принято считать, что города возникают на Древнем Востоке 7 – 3 тыс. до н.э. Есть сведения, что Иерихон – один из самых древних городов мира – возник в 10-8 тыс. до н. э. [6, с. 112.].

лагать, что отношения в системе «село-город» в разных цивилизациях были схожими.

Город – и именно в этом заключались его суть и предназначение – центрировал и стабилизировал религиозные, культурные, торговые потребности и отношения земледельцев, был источником и символом власти и права, а также служил крепостью в случае военных набегов врагов. Безусловно, село, с/х производство и соответствующая культура преобладали, однако город был необходим селу и крестьянам точно так же, как и существование города было совершенно немыслимо без села и крестьянства.¹ Как пишет И. Шафаревич, специально изучавший этот вопрос, «при всей утонченности возникшей в городах культуры в ней господствовали этические, эстетические и религиозные принципы, выработанные деревней» [7, с.10]. Для русской цивилизации в качестве наиболее характерных и системообразующих были принципы православного мессианства, дарения [8], и общинности. Город эти принципы обрабатывал, придавал им форму. С точки зрения нормального человека, не замороженного эстетско-философскими изысками постмодернизма и не зомбированного идеологией гедонизма и потребления, этот смешанный, а точнее, единый тип хозяйствования, сохранявшийся в России еще в первой трети XX века, наиболее полно соответствовал самой человеческой сути, назначению человека на земле.

Подчеркнем здесь, что аграрно-индустриальная экономика выступает не как смешанный тип производства, но именно как единый. Библия свидетельствует о крупных городах на всем ветхозаветном пространстве. Очевидно, такое экономическое и социо-географическое устройство в наибольшей степени соответствовало природе человека и, что еще более важно, его культуре. Человек проявлял себя как единство природного, социального и культурного и в полной мере реализовывал свою сущность и свои задатки. Такая форма жизни и тип хозяйствования не мешали ему в полной мере реализовать свои подлинно человеческие качества. В сфере духа – прийти к верованию и поклонению единому Богу и почитанию заповеди любви и служения, в сфере рациональности – создать философию и право, в сфере эстетического – литературу и искусство. Человек как существо духовное, свободное, разумное, умелое в полной мере проявляет и реализует себя именно в условиях единой аграрно-индустриальной экономики и единого же сельско-городского образа жизни.

б) город и индустриальный тип хозяйства

Второй этап исторической трансформации города связан с переходом к выраженному индустриальному типу хозяйствования и соответствующей

¹ Как говорится в известной русской сказке:

*«Братья сеяли пшеницу да возили в град-столицу,
знать столица та была недалече от села.
Там пшеницу продавали, деньги счетом принимали
и с набитою сумой возвращались домой».*

культуре. Производственно-экономическое и социально-культурное единство системы «село-город» начинает разрушаться, город теперь стремится к полному и безоговорочному доминированию над деревней, возникает чисто городское общество – носитель чисто городской идеологии и культуры.

Этот процесс начинается в Европе в раннее Новое время и символизируется печально знаменитым «огораживанием» в Англии. В России этот этап начался во второй половине XIX века, но наиболее активно и целенаправленно проходил уже в Советской России. Символы этого процесса – коллективизация и индустриализация.

На первом этапе город являл собой естественное звено социально-хозяйственной, военно-политической и религиозно-культурной системы общественного бытия. Теперь же город господствует над деревней и беспощадно ее эксплуатирует. Индустриальное производство не возникает из воздуха, в большой степени оно базируется на ресурсах деревни. И в первую очередь – это людские ресурсы. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» пишут словно бы для нашей темы: «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским...» [9, с. 428]. Для традиционного русского сознания это удивительно, но Маркс и Энгельс, а вслед за ними огромная армия их соратников, учеников и поклонников искренне считают процессы создания «огромных городов» социально-историческим прогрессом.

В трансформации городов капиталистического Запада и коммунистической России на этом историческом этапе можно увидеть много общего, но, прежде всего, здесь следует видеть фундаментальные цивилизационные различия.

Смысл и сущность капитализма – обогащение за счет эксплуатации человека и природы. Первородная греховность человека реализуется здесь именно в его разгоревшейся страсти к материальному обогащению. Удовлетворяя эту страсть, он вообще рвет с Богом. Выскажу мысль, что западная цивилизация обретает в капитализме свое истинное предназначение, говоря словами Аристотеля – свою форму. Во всяком случае, стремление к земному богатству обретает у человека Запада сакральный характер и становится важнейшей, если не единственной целью жизни. Никаких других значимых целей жизни человека западной мыслью после Маркса провозглашено не было.

В полном соответствии с капиталистическим духом обретение земных богатств и, соответственно, отстранение от богатств небесных происходит в беспощадной борьбе индивидов и дано лишь победителям. Необходимость и естественность такой борьбы философски обоснована и Гоббсом с его «человек человеку волк», и Локком с его естественными неотчуждаемыми правами, и Марксом с его классами и классовой борьбой, и Дарвином с его животным

происхождением человека. И город превращается в наиболее мощное и дьявольски изощренное средство достижения этой цели.

Город классического капитализма можно уподобить огромному предприятию, где все рационально, все операции просчитаны, люди точны и сосредоточены. Все на этом предприятии – и техника, и люди – подчинено одной цели – получению прибыли. В. Зомбарт так характеризует эту ситуацию: «... *живой человек с его счастьем и горем*, с его потребностями и требованиями вытеснен из центра круга интересов и место его заняли две абстракции: *нажива и дело*» [10, с. 169].

Пролетарский писатель М. Горький увидел Нью-Йорк начала XX века как город желтого дьявола. Этот, один из богатейших финансово-экономически и развитых технически городов мира, представляется писателю огромным котлом, в котором из людей вываривают золото. Образ, что и говорить, вполне достоин картины преисподней [11].

Если индустриализация на Западе осуществлялась в целях получения прибыли, индустриализация советская осуществлялась в целях самого промышленного производства. Частью это вызвано требованиями марксистской теории, которая заменила Советской России религию, частью политическими расчетами и борьбой за власть, но главное все-таки – это вполне реальные, жесткие и властные, требования времени. Или Советская Россия – крестьянская по своей цивилизационной сути страна – должна была погибнуть в результате неизбежной войны с индустриально развитым Западом, или должна была создать непробиваемый военный щит на основе индустриально-промышленной революции и отстоять свою независимость и суверенность. История убедительно доказала правильность избранной Советской Россией цивилизационной стратегии.

Удивительный парадокс русской истории заключается в том, что силой навязанный марксистский коммунизм, русской культуре совершенно чуждый, Россия сумела переработать и на основе этой риторики выстроить великую цивилизацию XX века. Марксизм был переосмыслен и переформатирован в традициях русского крестьянского коммунизма, если пользоваться латынью, природной русской общинности, если говорить по-русски. Более того, даже ленинский «воинствующий материализм» был переосмыслен в христианском духе и воплощен в форме морального кодекса строителя коммунизма.

Российский советский город – это город-рабочий. Это город, в котором трудятся все. Здесь, так же как и на капиталистическом предприятии, производству подчинено все. Но в советском городе нет социально-классового расслоения и эксплуатации человеком человека. Да, люди, то что называется, рвут себе жилы. Но этот бешеный темп труда, эта полная подчиненность человека производству осуществляется не ради личной наживы, но ради жизни своего народа и своей страны.

Индустриализация и создание городов в Советском Союзе, как и на Западе, проводилась за счет деревни. Других путей не существовало: ни у Российской империи, ни у Советского Союза не было колониального источника материальных богатств. Коллективизация нанесла тяжелейший удар по деревне, а вместе с ней и по самому духу русской цивилизации. Город – тем более безбожный – ломал судьбы людей, корежил и опустошал их души, порождал безысходную тоску, пьянство, преступность. Но в те времена русский цивилизационный дух нашел в себе силы и обрел новые формы. Думается, еще и потому, что не мог человек не чувствовать величие поставленных социальных целей, не мог не понимать их ориентацию на социальную справедливость и братство людей и народов. Русская крестьянская общинность была перенесена в город, на завод и на стройку, в барак и общежитие. «Русские крестьяне, вытесненные в города в ходе коллективизации, – пишет по этому поводу С. Кара-Мурза, – восстановили общину на стройке и на заводе в виде «трудового коллектива». Именно этот уникальный уклад со многими крестьянскими атрибутами во многом определил «русское чудо» – необъяснимо эффективную форсированную индустриализацию СССР» [12, с.254].

В советском городе, при всей его неказистой рабоче-крестьянской внешности, при всей его невзрачной архитектуре и непритязательной моде, при всем его спартанском благоустройстве – был другой дух. Дух оптимистической устремленности в будущее, дух братства, дух надежды.

в) новейший этап трансформации города

Новейший этап трансформации города связан с деиндустриализацией, охватившей как западное, так и бывшее социалистическое хозяйство. Дело, разумеется, вовсе не в том, что западная цивилизация вдруг разочаровалась в промышленности, отвергла ее и всецело вернулась к сельскому хозяйству. Капитализм продолжает ориентироваться на научно-технический прогресс, стимулирует его, но стремится делать это с меньшими затратами и большим комфортом для себя. Деиндустриализация Запада – есть новый этап эксплуатации мира. Вывод сегментов промышленного производства с развитого Запада в страны третьего мира, начавшийся в 1970-е годы, был обусловлен как экономическими и экологическими, так и социально-политическими аргументами. Значительно более дешевая рабочая сила стран третьего мира приносит громадные прибыли. Вывод металлургического и химического производства из Европы и США способствовал значительному улучшению качества окружающей среды. Сокращение численности рабочего класса в западных странах привело к затуханию его политической активности, свело на нет коммунистическое движение.

Но особенно активно процессы деиндустриализации Запада пошли начиная с 1990-х годов в связи с крушением СССР, когда у западной цивилизации отпала нужда постоянно находиться в отобилизованном состоянии и

открылись совершенно реальные перспективы для осуществления стратегии глобализации.

Казалось бы, в этой цивилизационной ситуации город подвергается некоторой опасности только со стороны природы, время от времени насылающей на него катаклизмы. Но это только на первый взгляд. Город, из которого ушла промышленность, или физически умирает, как нынешний Детройт, или переориентируется на спекулятивно-ростовщическую экономику, финансовые игры, торговлю и развлечения. Если город в индустриальную эпоху уподоблялся отлаженному механизму по получению прибыли, город в постиндустриальную эпоху все более уподобляется кайфующему паразиту. Теперь жертвой этого паразита становится большинство населения мира, все те народы, которые не признаны достойными ценностей западной цивилизации и которым отказано в праве присоединиться к «золотому миллиарду».

Живущие в городской среде бациллы упадка, болезни и смерти культуры, а вместе с ней и самого человека, оказались в исключительно питательной среде. Современный западный город – это буйство индивидуализма, видящего смыслы лишь в потреблении комфорта и чувственных наслаждений. Это – принципиальный и тотальный по масштабам отход от религии и церкви, это – разрушение традиций культуры и базовых устоев бытия, таких как семья, брак, отношения мужчин и женщин, родителей и детей. Вместе с тем европейский город становится все более смуглым, самих европейцев – все меньше, но они не хотят рожать детей, предпочитая заводить собак. Пустеют и исчезают в европейских городах христианские церкви, зато умножается количество мечетей.....

Деиндустриализация, хотя и на совершенно иной цивилизационной базе, характерна и для нынешней России. Но если деиндустриализация Запада есть логичный шаг капиталистического развития в условиях победы над всеми противниками, то деиндустриализация российского хозяйства есть результат цивилизационного поражения. Как субъект мирового рынка Россия еще представляет какой-то интерес лишь в качестве поставщика сырьевых ресурсов. Но Россия с большим народонаселением, сильная, самостоятельная и самодостаточная, конкурентоспособная в научно-технологическом, индустриально-промышленном плане, никому не нужна. Справедливости ради отметим, что сильная Россия не нужна и российскому крупному бизнесу, который понимает ее как страну, где можно и нужно делать деньги, и связавшему свои жизненные судьбы с Западом. Рекрутируя в свои ряды эту 5-ю колонну, международный рынок делает все, чтобы Россия оставалась лишь его сырьевым придатком. Это, кстати, лишний раз свидетельствует о неприятии Западом России не в ее социально-классовом облике коммунистической державы, но именно как особой цивилизации, отличной от западной и все еще не подчиненной ей.

Посткоммунизм в России – есть системный кризис цивилизационного уровня и характера, предопределивший и повлекший за собой тяжелейший

кризис российского города с совершенно непредсказуемыми последствиями. Исторический шанс, предоставленный России падением коммунизма, не реализован. Возвращение России к своей цивилизационной подлинности не состоялось. В действительности посткоммунизм как для России, так и для всего мира вовсе не оказался царством свободы и благополучия, какой-то новой цивилизацией или хотя бы идеологией, открывающей человеку исторические пути в какое-то разумное и справедливое будущее. Российский посткоммунизм оказался на поверку самой пошлой и грубой формой капитализма, ничего не производящего, но паразитирующего на природных богатствах страны. Российский капитализм породил вместе с деиндустриализацией еще и депопуляцию населения, дезинтеграцию российских народов и культур, деградацию промышленности и сельского хозяйства, упадок науки, культуры, образования. Россия утратила свой цивилизационный проект, и человеческий мир не стал более гуманным, справедливым и защищенным. Российский посткоммунизм есть еще один реальный шаг человечества к апокалипсису.

И все-таки не хочется завершать эту работу в настроении упадничества и пессимизма. К тому же, это было бы методологической ошибкой. Долг христианина надеяться и верить и, по силам своим, воплощать надежду в жизнь. Личностная позиция думающего и неравнодушного к судьбам Отечества человека не должна быть пораженческой, упаднической, пессимистической. Она должна быть рационально-спокойной, оптимистически-радостной и непоколебимой в вере своей. И только в таком случае мы можем уповать на Божью помощь в преодолении тех испытаний, которые выпали на нашу историческую долю.

Литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2 изд., т. 3.
2. Пушкин А.С. Собр. Соч. в 10 т. – М.: Худож. Лит-ра, 1962, т. 10.
3. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. – М.: Праксис, 2002.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. В кн.: Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.2.-М.: Мысль, 1990.
5. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993.
6. Большой путеводитель по Библии: пер. с нем. – М.: Республика, 1993.
7. Шафаревич И.Р. Записки русского экстремиста/Игорь Шафаревич. – М.: Алгоритм, 2012.
8. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире.- М.: Алгоритм, 2002.
9. Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., 2 изд., т. 4.

10. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. – М.: Айрис-пресс, 2004.
11. Горький М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. «Библиотека Всемирной литературы», М.: Художественная литература, 1975.
12. Кара-Мурза С.Г. Маркс против русской революции.- М.: Эксмо, Яуза, 2008.